

Dante Gabriel Rossetti Old and New Art Sonnet LXXIV St. Luke the Painter

Give honour unto Luke Evangelist;
For he it was (the aged legends say)
Who first taught Art to fold her hands and pray.
Scarcely at once she dared to rend the mist
Of devious symbols: but soon having wist
How sky-breadth and field-silence and this day
Are symbols also in some deeper way,
She looked through these to God and was God's priest.

And if, past noon, her toil began to irk,
And she sought talismans, and turned in vain
To soulless self-reflections of man's skill, –
Yet now, in this the twilight, she might still
Kneel in the latter grass to pray again,
Ere the night cometh and she may not work.

Осмысливая

Благословен евангелист Лука, -
Предание гласит, что это – он
Искусство обучил творить поклон,
Не дав свободы сложенным рукам, -
Так, раздвигая таинства слегка,
Оно узнало: поле, неба склон,
Как день, притихший в символах имён, -
Сквозь них глядело, Богови слуга.

К полудню, от докучного труда,
Как будто оберега возжелав, -
Вот само-углублённость ремесла
Людей простых, как бы туман несла, -
Вошло в неё, в пучинах поздних трав
Молясь, да ночь не свяжет навсегда.

Откликаюсь

Благословен евангелист Лука,
Предвозвестивший кистью животворной
Не откровенье выси окрылённой,
Но обретение на все века.
Века земные теплятся слегка,
А образ, неужели сотворённый,
Просвечивает сквозь поля иконы, -
Полны не этим светом облака.

Столешница ли трапезы вечерней,
Да камушки цветные стёрты в пыль
И образуют некий эталон...
Но да не будет вздохов и учений!
Откликнись, мастер святой, это ты ли?
Предание гласит, что это – он.

* * *

Предание гласит, что это – он
Писал Пречистой лики, удивляя
Печальный мир, надеждой наделяя
До истечения его времён.
Холодный мир обрадован, склонён,
Не очертания одни являет,
Но заревом от края и до края
В путях живых – благоукрашен он.

Что тщится немощь ото всех сторон
Забыть, сокрыть, испепелить, смеяться,
Возвыситься над светлой теплотой,
Глядящей в сердце предстоящим, Той,
С Которой жаждем больше не расстаться...
Искусство учит, как творить поклон.

* * *

Искусство обучил творить поклон...
Заметил верно ясновидец поздний,
Возжаждавший в тиши прохлады росной
В невидимое – явленных окон.
Из-ображал, живописуя, он
Движения души, почти несносной,
Чувствовалища, сплетающие козни, –
Как бы персоны ото всех сторон.

Их отражало время, как река, -
Ах, если б он, войдя в её глубины,
Так обретал истоки притяжений
На глади волн – небесных отражений,
Уподоблённых образам старинным,
Не дав свободы сложенным рукам.

* * *

Не дав свободы сложенным рукам,
Рыдал ли мастер, въяве въздыхая
Пред Лествицей распаханного Рая,
Ниспосланною дольним берегам.
Внимал словам Ея и по слогам
Следил пути Господни, постигая
Свечение какое предлагает
Свеща – светопримным облакам...

Андрея – чернеца поют века, -
Луке подобная, его душа
Столетий сколько минуло, а также
В стране иной, в ином пространстве даже -
Молчала и в себе, едва дыша,
Приоткрывала таинства слегка.

* * *

Так, раздвигая таинства слегка
Светами, знаменуя кистью лёгкой
Живущим zde – жильцов страны далёкой,
Не требуя ни правил, ни лекал,
У Благосеннолиственной – искал
Покров, куда прокрадывался клёкот
Пернатых и возвышенных высоко –
До неоглядных, за – небесных скал...

Великим созерцателем икон
Был их творец послушный, благодатный, -
Восшествовал в раскрывшиеся дали,
Где нет уже ни скорби, ни печали.
На суд вернувшись нелицеприятный,
Узнает ли поля и неба склон.

* * *

Искусство знало поле, неба склон,
Как отраженье плоти сотворённой, -
Его боготворило изумлённо,
Впадая и вводя в глубокий сон.
Восторга ли, отчаяния стон –
Лишь проявления тоски исконной
Со дна природы тёмной, потаённой
В илу осадков тлена и времён.

Уже ль искус искусства упразднён,
Преображён, исчерпан, уврачёван, -
Вовеки – образом, уподобленьем
Воистину прекрасному мгновенью,
В котором Бог воскрес в объятии чёрном.
И день стихает в символах имён.

* * *

Как день, притихший в символах имён,
В мерцании соцветия живого
Приобретает видимое Слово,
Он Им вообразён и окрылён,
Воссоздан по частицам, исцелён,
Как прообразование иного
И самого насущного, родного
Отечества, с которым разделён...

Вот так творил евангелист Лука,
Умелый врачеватель тел болезных,
Возделыватель безобразных душ
И Духу Слова – следующий муж, -
И творчество на тропах непрелестных
На мир взирало, Богови слуга.

* * *

Сквозь мир глядело, Богови слуга,
Такое вдохновенное искусство,-
Пред ним, отнюдь, не утихали чувства,
Но силу обретали. Свысока
Входила благовестия строка,
Пусть было в горнице темно и пусто,
Но собранные - здесь ли? - златоусты
Воспряли пламененьем языка.

Минули сумерки, да холода,
Тоска, ожесточенье, разделенье...
Лука испил, впитал воды живой.
Огонь ли – этот свет над головой?
Отныне невозможно утомленье
К полудню от докучного труда.

* * *

К полудню от докучного труда,
В котором упражнялся кропотливо -
Не ждал отдохновения, и Фивы
Предстали, как иные города.
Преклонным старцем – шествует - туда
И, удаляясь мiра, он стыдливо
Свидетелем восходит на оливу,
Уподобляется её плодам.

И небеса отверстые познав,
Он не путём всея земли – уходит.
Увенчанный, сиятельный – Лука –
Не сединой пресветлой старика,
Но приложением к иной природе...
Неужто берега возжелав.

* * *

Как будто берега возжелав,
О, врач возлюбленный, телец закланый,
Ты брёл – тогда – дорогой самой странной
В Эммаус, не расслышав, не узнав
Восторга распрямляющихся трав
И сердца своего, что неустанно
Как птица билось вестью долгожданной,
Разбуженное в сумраке дубрав.

Тебя судьбина горькая несла.
Сотаинник слезы твоей, Клеопа,
Да Спутник разговорчивый, горячий...
Да где же Он! – очам, таким незрячим,
Дарована защита высшей пробы
От само-углубленья ремесла.

* * *

Что самоуглублённость ремесла?
Светящийся, Лука, ты - отраженье
Или вместилище Преображенья
Среди житийствующих ревностно.
Тебя через міры – перенесла
Десница Божия и мановенье,
Незримых крыл воздушных устремленье,-
К одру Пречистой в облаченье сна.

Перед тобой, как новая весна
Распахнутая, вспыхнула мандорла,
Исполненная сил и чистоты, -
Пред ней с иными верными и ты,
Такой естественный и непритворный.
Другим она как бы туман несла.

* * *

Обычным людям сквозь туман – несла
Одушевленье книга о Деяньи, -
Тебе ли, о Феофиле, посланье,
Тебе ли – откровенна глубина.
Движению, неложна и ясна,
Дорога уготовлена преданьем –
Одаривает светлым одеяньем,
В котором на міру и смерть красна.

Слова царят над преклоненьем глав,
Широко разливалась аллилуйя...
Затворены врата и восхищённо
Расходятся отары по тущобам, -
Вновь ненасытно алча и тоскуя, -
Войдут они в пучины поздних трав.

* * *

Вошли на дно, в пучины поздних трав
Алмазы слов и откровенья ликов,
На нашем севере, и ныне диком, -
Сияют, безобразия поправ
В полях забытых, в корчищах дубрав –
Тут Боголюбиво кругом, взгляни-ка:
Ишедшие, грядущие языки
Склоняются, перед Тобой представ.

И время – скоротечная вода -
Несёт неизменяющийся образ
Владимирской, бытийствующей здесь, -
Из Вечности вникает в нашу весь,
Из хаоса высвечивая Космос,
Молясь, да ночь не свяжет навсегда.

* * *

Молясь, да ночь не свяжет навсегда
Воспоминаньем вынесенной доли
В исчерпанной, оставленной юдоли, -
Возвысим очи от земли - туда,
К Первоистоку чистого труда,
Средоточению любви и боли,
Светло скорбя о плодородном поле,
Засеянном для жатвы в день Суда.

Искусство ли взирает – свысока
Преисполняя теплотою смыслов
От рук произведений человеческих?
От ростовых, от поясных, оплечных...
Но жизнь иная – ею буди присно
Благословен, евангелист Лука.